

ПЕРЕГОВОРЫ ДАРИЯ С АЛЕКСАНДРОМ И МАКЕДОНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Проф. С. И. Ковалев

С самого начала азиатского похода мы встречаем следы 'глухой оппозиции Александру со стороны части его непосредственного окружения. Оппозиция иногда принимает форму противодействия военным планам царя, иногда выражается в несогласии с его политическими мероприятиями, иногда проявляется в недовольстве общим ходом событий.

Оппозиция чаще всего связывается с именем Пармениона, самого крупного представителя той группы македонской знати, которая целиком отдала себя на службу Филиппу II. Мы не знаем, принадлежал ли Парменион к старой македонской знати или к новой, выдвинувшейся только при Филиппе. Вероятнее последнее. В наших источниках нет никаких следов принадлежности Пармениона, сына Филоты¹, к царским родам Македонии, подобно некоторым другим полководцам Александра². Почти с самого начала царствования Филиппа мы видим Пармениона играющим чрезвычайно важную роль в армии и управлении³. Будучи одним из самых преданных Филиппу людей, он состоял в близких отношениях и с его придворной знатью: одна из его дочерей была замужем за Атталом, дядей Клеопатры (Curt., VI, 9,17), другая—за Кеном (ib., VI,9, 30). После убийства Филиппа Парменион стал на сторону Александра и сыграл большую роль в укреплении власти молодого царя. С тех пор он занял важнейшее место при Александре в качестве его ближайшего помощника и советника⁴.

Тем не менее, с начала азиатского похода между Александром и Парменионом начались разногласия по отдельным вопросам. Если верить

¹ Arr., Anab., III, 11, 10.

² С. И. Ковалев, Македонская оппозиция в армии Александра, «Известия ЛГУ.» II, 1930, стр. 156.

³ Plut., Al., III, XLIX; Curt., VI, 9, 4; VII, 1, 3; ср. VII, 2, 33—34; Ed. Meyer, Alexander der Grosse und die absolute Monarchie, «Kl. Schr.», I, 2 Aufl., 1924, стр. 299.

⁴ Arr., III, 26, 4; Curt., VII, 1, 3; VII, 3, 27; VII, 2, 33—34; IV, 13, 4; III, 6, 4; VI, 9, 4; VI, 8, 7; VI, 11, 39; Justin., XII, 5, 3; Plut., XLIX; Diod., XVII, 80, 1; Белох («Griechische Geschichte», IV, 1, 2 Aufl., 1925, стр. 19, сл.; IV, 2, 1927, стр. 293 сл.) под влиянием враждебной Александру и чрезмерно благосклонной к Пармениону традиции, несомненно, переоценивает влияние этого последнего.

Диодору (XVII, 16,1—2), то уже на совете, созванном Александром перед походом, сторонники Пармениона и Антипатра советовали отложить поход до тех пор, пока у царя не родится наследник. Правда, это известие противоречит Плутарху (Al., XLIX) и Курцию (VII, 1,3), которые утверждают, что именно Парменион склонил Александра к азиатскому походу, но оно само по себе весьма правдоподобно и гораздо лучше гармонирует с дальнейшим поведением знаменитого полководца¹.

Первое расхождение во время похода произошло, как кажется, уже при Гранике. По Арриану и Плутарху, Парменион рекомендовал отложить нападение до следующего утра, мотивируя это стратегическими соображениями (Arr., I, 13, 2—7; Plut., XVI). Однако этот план Александром был отвергнут, и атака была произведена немедленно. Диодор (XVII, 19) о совете Пармениона ничего не говорит, а из его рассказа мы видим, что форсирование реки произошло рано утром. В изложении битвы при Гранике оба текста Арриана и Диодора в целом не настолько резко отличаются друг от друга, чтобы можно было отдать решительное предпочтение одному из них². В основе и у того и у другого лежит официальная традиция; разница, в сущности, только в деталях. С этой точки зрения умолчание Диодора о совете Пармениона еще не доказывает, что такого совета не было. Даже если мы примем, что битва произошла на другой день утром, то и этот факт доказал бы лишь, что Александр послушался совета Пармениона. Но самой важности столкновения двух точек зрения перед битвой это обстоятельство не уничтожает.

При Милете, по Арриану (I, 18, 6—9), происходит новое расхождение между Александром и Парменионом. Парменион, несмотря на явное превосходство сил персов³, советует дать им морской бой. Александр отвергает этот совет, указывая на количественное и качественное неравенство сил и на дурное впечатление, которое произвело бы поражение, особенно в Греции. Кауер⁴ считает план Пармениона «невероятно глупым» и на этом основании признает весь эпизод выдумкой, идущей из кругов, враждебных Пармениону⁵. Действительно, это место Арриана вызывает некоторое сомнение, главным образом, благодаря тому, что старый полководец выступает здесь сторонником необычной для него тактики, а Александр является образцом осторожности и благоразумия⁶. Однако отчаянная попытка морского боя под Милетом была, может быть, единственным

¹ Белох (ук. соч., IV, 2, стр. 296) считает диодоровскую версию продуктом придворной историографии, старавшейся очернить Пармениона.

² Большинство историков следует здесь Арриану: J. G. D r o u s e n, Geschichte des Hellenismus, I, 2. Aufl., 1877, стр. 190; B. N i e s e, Geschichte der griechischen und makedonischen Staatenseit der Schlacht bei Chaeronea, I, 1893, стр. 61; J. K a e r s t, Geschichte des Hellenismus, I, 3. Aufl., 1927, стр. 337; W. J u d e i c h, Die Schlacht am Granikos, «Klio», VIII, 1908, стр. 390—391, 394, прим. 1; P. J o u g u e t, L'impérialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient, 1926, стр. 20; U. W i l c k e n, Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte, 2 Aufl., 1926, стр. 174. Однако Белох (III, 1, стр. 624—625; IV, 2, стр. 296—297) по примеру К. Леманна (Die Schlacht am Granikos, «Klio», XI, 1911, стр. 230 сл.) отдает предпочтение Диодору. Против попытки Леманна выдвинуть здесь на первое место Диодора см. убедительные замечания Н. E n d r e s s, Die offiziellen Grundlagen der Alexanderüberlieferung und das Werk des Ptolemäus, Dissert., 1913, стр. 36, прим. 1; K a e r s t o p. cit., стр. 338, прим. 1; F W e n g e r (Die Alexandergeschichte des Aristobulus von Kassandrea, Dissert. 1914, стр. 106) полагает, что эпизод с Парменионом заимствован Аррианом не из Птолема, а из Аристула и в конечном счете происходит из устного предания.

³ У Александра было 160 кораблей, а у персов—около 400. Arr., I, 11, 6; 18. 5.

⁴ E. S a u e r, Philotas, Kleitos, Kallisthenes, JKPh, XX Supplementband, 1894, стр. 34.

⁵ Белох (IV, 2, стр. 299) полагает, что предание здесь испорчено, и роли Пармениона и Александра перепутаны.

⁶ Белох (там же) называет поведение Александра «психологической загадкой».

выходом из создавшегося на море тяжелого положения. Правда, после взятия Милета Александр нашел другой выход, отпустив домой значительную часть флота (Arr. I, 20, 1; Diod., XVII, 22,5). Но еще нужно доказать, что этот выход был тактически правильным¹.

В городе Тарсе, в Киликии Александр тяжело заболел. Болезнь явилась или результатом переутомления, как передает Аристобул, или, как утверждают другие, следствием купания царя в холодных водах Кидна (Arr., II 4,7; Plut., Al., XIX). Во всяком случае, факт болезни устанавливается с полным единодушием всеми нашими источниками. Точно также они единогласно утверждают, что вылечил Александра акарнанский врач Филипп. Но в изложении об обстоятельствах, которые сопутствовали излечению, источники расходятся. В большинстве из них, с незначительными вариациями, мы находим следующий рассказ. Когда Филипп взял я за лечение, Александр получил письмо от Пармениона, в котором тот предупредил царя не доверять Филиппу, так как-де он подкуплен Дарием. Несмотря на это предупреждение, Александр выпил сильно действующее средство, приготовленное врачом, и благодаря этому выздоровел. Об обняком стоит Диодор, который ни словом не упоминает о письме Пармениона, но в остальном не расходится с другими источниками².

Если принять, как делают некоторые историки (правда, без всякого критического анализа источников)³, что предупреждение Пармениона действительно имело место, то налицо был бы факт недоверия царя к своему ближайшему помощнику, недоверия, проявленного в чрезвычайно ответственную минуту. Мы могли бы это обстоятельство считать несомненным показателем известного отчуждения, существовавшего между Александром и Парменионом уже в самом начале похода⁴. Но еще в 1881 г. Rühl⁵ выдвинул серьезные соображения против достоверности письма Пармениона. Эти соображения сводятся к следующим трем основным моментам: 1. Об тановка, в какой Александр, получив предостерегающее письмо Пармениона, выпивает лекарство Филиппа, кажется совершенно неправдоподобной: Александр дает врачу письмо Пармениона и в это же самое время принимает лекарство. Было бы гораздо естественнее, если бы царь сначала дал прочесть письмо Филиппу и уже потом, увидя, какое действие оно произведет на него, принял снадобье. 2. Во время болезни Александра Парменион был в Тарсе и, следовательно, никакой нужды в переписке между ними не было. 3. Внушает большие сомнения сообщение о подкупе Филиппа Дарием, так как в разных источниках характер вознаграждения за отравление царя указывается различно.

¹ Jouguet (op. cit., стр. 22 сл.) считает демобилизацию флота ошибкой.

² Замечание Сенеки (De ira, II, 23), что предупреждение о мнимой измене Филиппа послала Александру Олимпиада, основано просто на недоразумении, а не вызвано, как думает Th. Birt (Alexander der Grosse und das Weltgriechentum bis zum Erscheinen Jesu, 2. Aufl. 1925, стр. 443), стремлением обелить Пармениона. Источником этого недоразумения могло быть известие об аналогичном предупреждении по поводу Александра Линкестийца (Diod., XVII, 32, 1), тем более, что у Диодора это известие следует непосредственно за описанием болезни царя (К о в а л е в, ук. соч., стр. 182). Ср. F. Rühl, Alexandros und sein Arzt Philippos, JKPh, VII, 1881, стр. 363 сл.

³ Droyse n, op. cit. I, 1, стр. 248; Birt, op. cit., стр. 115 сл.

⁴ Категорические утверждения Бирта (loc. cit., а также стр. 136), будто Парменион сознательно лгал в своем письме, чтобы таким путем погубить Александра и занять его место на троне.—совершенно ни на чем не основаны. Если даже допустить, что Парменион стремился к короне, это могло иметь место, во всяком случае, гораздо позже. К тому же самый способ устранить Александра, уговорив его не принимать лекарства, является по меньшей мере странным.

⁵ F. Rühl, op. cit., стр. 361—364.

Наиболее серьезным аргументом является, конечно, факт присутствия Пармениона в Тарсе, что косвенным образом можно вывести из Арриана и Курция (Arr., II, 4,4; 5, 1; Curt., III, 4,15). Но ведь то обстоятельство, что Парменион во время болезни царя был в самом городе или в его ближайших окрестностях¹, еще не говорит категорически против возможности посылки им письма. Мы не знаем, какие побудительные мотивы могли быть у Пармениона, чтобы высказать свои подозрения против Филиппа не в устной беседе с Александром, а письменно; но, во всяком случае, можно представить себе такие обстоятельства, при которых Пармениону в известный момент было неудобно (по чисто техническим или тактическим причинам) лично разговаривать с царем, и он предпочел послать ему предостерегающую записку. Все это, конечно, отнюдь не затрагивает вопроса, почему у Пармениона явились подозрения против Филиппа, насколько они были основательны и т. д. Но для наших целей этот вопрос является несущественным. Нам важно только показать, что предостерегающее письмо могло быть по лану и что доводы против его историчности не являются вполне убедительными.

Разобранные нами до сих пор случаи расхождения между Александром и Парменионом касались конкретных вопросов и не носили принципиального характера. Иначе обстоит дело с тем инцидентом, который произошел в Финикии и связан с мирными предложениями Дария. По Арриану (II, 14; 25, 1—3), были две попытки персидского царя завязать мирные переговоры с македонянами. Первая имела место в Марафе вскоре после битвы при Иссе, вторая—во время осады Тира. Первое посольство передало Александру письмо Дария, в котором он упрекал македонян в том, что виновниками войны являются они сами, просил Александра вернуть ему взятых в плен мать, жену и детей и предлагал союз и дружбу. Для более точного определения условий мира Дарий просил Александра послать уполномоченных. Александр в ответном письме категорически отвергал упрек в наступательной войне, перечисляя все те случаи, когда персы сами провоцировали македонян, и требовал от Дария безусловной сдачи. Второе посольство предложило македонскому завоевателю в обмен на членов царской семьи 10 000 талантов и территорию к западу от Евфрата. Кроме этого, Дарий обещал Александру руку своей дочери, любовь и союз. Для обсуждения персидских предложений Александр созвал совет этеров. На нем, «как рассказывают» (λέγουσι), Парменион заявил, что если бы он был Александром, он на этих условиях предпочел бы, не подвергаясь дальнейшему риску, прекратить войну. Александр ответил, что и он, если бы был Парменионом, поступил бы так же. Но так как он Александр, то он откажет Дарию. Александр снова повторил требование безусловной покорности. «Услышав это,—говорит Арриан,—Дарий отчаялся в возможности договориться с Александром и снова взялся за приготовления к войне».

Плутарх (Al., XXIX) рассказывает только об одном посольстве Дария, имевшем место в Финикии после возвращения туда Александра из Египта. Условия мира, предложенные персидским царем, совпадают с условиями второго посольства у Арриана. Упоминает Плутарх и о совете этеров, и о диалоге между Парменионом и Александром.

Диодор (XVII, 39, 1—2; 54, 1—6), так же как и Арриан, знает о двух посольствах. Первое, судя по контексту, доставило Александру письмо Дария вскоре после битвы при Иссе (место точно не указано). Персидский царь предлагал в обмен на пленных «много денег». Если же Александр захотел бы принять его дружбу, царь обещал уступить ему часть Азии к западу от Галиса. Александр созвал друзей (τοὺς φίλους) и, скрыв подлинное письмо, составил другое, более подходящее для его планов.

Это подложное письмо и было показано членам совета. Персидские послы должны были отправиться восвояси, не добившись ничего. Диодор заканчивает свой рассказ той же самой фразой, что и Арриан: «Поэтому Дарий, отчаявшись в переговорах, начал делать большие приготовления к войне».

Второе посольство прибыло к Александру незадолго до битвы при Гавгамелах. По поводу его Диодор замечает, что «и прежде Дарий посылал послов к Александру, уступая ему страну по сю сторону реки Галиса, и обещал, кроме этого, дать 20 000 талантов серебром». На этот раз Дарий, благодаря Александра за хорошее обхождение с матерью и другими пленными, предлагал ему дружбу и тесный союз, часть своего государства по юю сторону Евфрата, 30 000 талантов серебром и руку одной из дочерей. Далее Диодор рассказывает о совете «друзей» и разговоре между Парменионом и Александром—в выражениях, близких к Плутарху и Арриану¹. В ответе Александра послам развивается мысль о том, что как невозможно существование двух солнц во вселенной, так невозможно и существование двух царей на земле. И этот эпизод заканчивается фразой, близкой к трафарету: «Дарий, услышав ответ Александра и отчаявшись в переговорах, построил в боевой порядок войско» и т. д.

Курций сообщает о трех попытках Дария заключить мир с Александром. Первая (IV, 1, 7—14) была сделана после Исса, у Марафа. Дарий предлагал Александру в обмен на пленных столько денег, «сколько могла вместить вся Македония». Ответ Александра и по общему содержанию и по отдельным выражениям сильно напоминает письмо, приведенное у Арриана в рассказе о первом посольстве. Лицо, которому Александр поручил передать свое письмо Дарию, и у Арриана и у Курция одинаково названо Терсиппом. Второе письмо Дария, по Курцию (IV, 5, 1—8), было передано Александру, по всей вероятности, в самом конце осады Тира². В нем персидский царь предлагал руку своей дочери Статиры, а в качестве приданого—страну между Геллеспонтом и Галисом. Дальше в письме шли рассуждения на тему, насколько изменчиво счастье, как оно опасно, особенно в молодом возрасте, и какие трудности ожидают Александра, если он будет продолжать поход. Ответ Александра сводился к тому, что Дарий обещает ему то, что Персии, собственно, уже не принадлежит. Александр заявлял, что он не намерен ограничиваться завоеванием только западной части персидской монархии, но собирается проникнуть и в области дальнего Востока. Куда бы ни бежал Дарий, он сумеет за ним последовать (сходно с первым письмом у Арриана).

Рассказу о третьем посольстве Курций (IV, 10, 16—34) предпосылает сообщение о том, как в армии Александра были перехвачены прокламации Дария, которыми он пытался поднять возмущение среди солдат-греков. Затем рассказывается о смерти жены Дария и о горе Александра. Евнух пробирается в персидский лагерь и сообщает Дарию о смерти его жены. Тот поражен благородством Александра. О самом посольстве идет речь в главе 11. Рассказ Курция близок здесь к Диодору. Послы являлись к Александру перед битвой при Гавгамелах³ и на словах (как и у Диодора)

¹ Новым моментом является только указание Диодора, что никто из членов собрания не осмеливался высказать своего мнения из-за важности вопроса. Парменион взял слово первым.

² Описав в главе 4 взятие Тира, Курций начинает главу 5 словами: «Isdem ferme diebus Darei litterae adlatæ sunt».

³ Прием посольства, в отличие от Диодора, происходит с самого начала в собрании втеров.

передают ему благодарность Дария за благородное поведение по отношению к пленным. Теперь они предлагают ему в качестве приданого за дочь Дария страну между Гелле-спонтом и Евфратом. Сына Дария, Оха, Александр пусть задержит как заложника, а за мать и обеих дочерей он предлагает ему 30 000 тал. золота. Дальше идут рассуждения о трудности управления слишком большим государством. Александр, удалив послов из собрания, предложил присутствующим высказаться. Долго никто не осмелился выступить, так как было неизвестно мнение царя по этому поводу. Наконец, Парменион сказал, что он и раньше советовал отдать пленных за выкуп, выручив таким путем огромную сумму (никакого такого совета Пармениона у Курция мы не знаем). И теперь Парменион полагает, что необходимо обменять «одну старуху и двух девушек» на ту сумму, которую за них предлагают. «Александр,—продолжает он дальше,—не войной, но посредством договора мог бы завладеть богатым царством. Не было бы никого другого между Истром и Евфратом, кто обладал бы землями, столь обширными и столь отдаленными друг от друга. Лучше обратить взоры на Македонию, чем смотреть на Бактры и Инды». Эта речь не понравилась царю. «И я,—сказал он,—если бы был Парменионом, предпочел бы деньги славе». Введенным послам был объявлен ответ Александра. Указав на попытки возмутить его воинов и друзей, царь заявил, что теперь не может быть места переговорам. Условия мира, которые предлагает Дарий, в данный момент не имеют никакого смысла, так как македонская армия стоит по ту сторону Евфрата. Судьбу всего того, что Дарий потерял и что он еще имеет, решит предстоящая битва.

Юстин (XI, 12) также говорит о трех посольствах. Краткое сообщение о первом посольстве напоминает соответствующий рассказ Диодора. Дарий после битвы при Иссе в письме просит Александра дать ему возможность выкупить пленных за большую сумму денег. Но Александр требует за пленных не денег, а все царство. Через некоторое время Александру было передано новое письмо, в котором Дарий предлагал ему в замужество дочь и часть царства. Александр требует безусловной покорности. «Тогда, потеряв надежду на мир, Дарий возобновляет войну». Рассказ Юстина о третьем посольстве очень близок к Курцию. Так же, как и у этого последнего, предварительно рассказывается о смерти жены Дария, о горе Александра и почетных похоронах, которыми он удостоил персидскую царицу. Благородство Александра служит Дарию побудительным мотивом для отправки третьего письма, непосредственно перед битвой при Гавгамелах. В письме Дарий благодарит Александра за поведение по отношению к пленным, предлагает ему «большую часть царства до реки Евфрата, другую дочь в замужество, а за остальных пленных—30 000 талантов». О совете этеров и о разговоре Александра с Парменионом у Юстина нет ни слова. В ответе Александра повторяются знакомые мотивы, отчасти курциевские, отчасти диодоровские¹.

¹ В «Итинерарии Александра», где скорее заметна близость к Арриану (ср. Droysen, I, 269, прим. 1), упоминаются два письма Дария. Первое (гл. 39—40), судя по контексту, было получено Александром в северной Финикии. Дарий писал, что не он начал войну, но был на нее вызван, и предлагал Александру 10 000 тал. золота. Второе посольство (гл. 43—44) застаёт Александра под Тиром. К прежнему предложению 10 000 тал. теперь прибавляются уступка территории до Евфрата и рука одной из дочерей. Дальше в обычной форме передается разговор Пармениона с Александром. В так наз. «Романе об Александре» (Ps.-Kallisth., II, 17), несмотря на ряд фантастических черт, можно отыскать моменты, общие с другими источниками: письмо Дария, просьбу вернуть мать и детей, совет Пармениона. Валерий Максим (VI, 4, ext. 3) также упоминает о мирных предложениях Дария, сделанных, по всей вероятности, после

Несмотря на ряд моментов, общих всем нашим пяти основным источникам, в рассказе о мирных предложениях Дария, они явно распадаются на две группы. К первой относятся Арриан и Плутарх, ко второй—Диодор, Курций Руф и Юстин. Основное отличие второй группы состоит в том, что в ней одно из посольств (второе, по Диодору¹, третье по Курцию и Юстину) имело место незадолго до битвы при Гавгамелах. Затем, для второй группы характерно наличие сильной морализирующей тенденции и внутренних противоречий в каждом источнике. Первая группа локализует мирные переговоры в Финикии (по Арриану, были две попытки завязать переговоры, по Плутарху—одна). В этой группе источников моральные оценки совершенно отсутствуют, и рассказ вполне четок и ясен.

Решающим моментом для определения сравнительной ценности обеих групп является вопрос о третьем (или втором) посольстве перед Гавгамелами. Помимо того, что Арриан, пользовавшийся очень хорошими (с точки зрения военной и дипломатической истории) источниками, ни слова не говорит о столь поздней попытке Дария заключить мир, самый факт посольства, имевшего место накануне решающей битвы, лишен всякого внутреннего вероятия². Дарий, как известно, собрал все свои силы, чтобы дать сражение в наиболее благоприятной для себя обстановке. Невозможно предположить, чтобы перед самым сражением, затратив огромные усилия и средства на мобилизацию, собрав огромную армию, он снова пытался купить мир ценою огромных уступок, не испытав еще раз военного счастья. И на что Дарий мог рассчитывать? Ведь персы уже два раза старались вступить в переговоры с македонянами— и оба раза безуспешно. Теперь же, после завоевания Сирии и Египта, положение Александра было гораздо выгоднее, чем в то время, когда он стоял в северной Финикии или под Тиром. И если уже тогда Александр категорически отверг персидские предложения, то неужели Дарий мог рассчитывать, что в Месопотамии Александр будет уступчивее? Поэтому нужно решительно отбросить свидетельства Диодора, Курция и Юстина о месопотамских переговорах, как свидетельства вымышленные³.

Легко представить, каким образом возникла легенда о месопотамском посольстве. Нарастающий драматизм событий и имевшие уже место две попытки мирных переговоров могли привести к соблазну устроить эти попытки путем простого дублирования исторической традиции, чтобы придать решительному столкновению между персами и македонянами наибольший эффект. Сентиментально-романтическая мотивация третьего посольства, данная Курцием и Юстином (Дарий побежден благородством Александра), дополняет картину⁴. У Курция, который предварительно вводит еще попытку персидского царя вызвать возмущение в македонской

битвы при Иссе (*Dareo enim uno iam et altero proelio virtutem eius experto*). Персидский царь предлагает Александру часть своего царства до Тавра и руку дочери вместе с 1 000 000 (!) тал. Совет Пармениона и ответ царя передаются в трафаретной форме.

¹ E. Schwartz (Curtius Rufus, RE, IV, ст. 1884) ошибается, считая, что и у Диодора мы имеем три попытки переговоров. Совершенно ясно, что замечание Диодора в начале гл. 54: «и прежде Дарий посылал послов к Александру» и т. д. относится к тому же самому посольству, о котором он говорил в гл. 39. См. F. Haskins, *Die Schlacht bei Gaugamela*, Dissert., 1902, стр. 107; E. Pridik, *De Alexandri Magni epistolarum commercio*, Dissert., 1893, стр. 42; Kaerst, I, стр. 376, прим. 2; G. Radet, *Notes critiques sur l'histoire d'Alexandre*, 1925—1927, стр. 27.

² Cp. Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1.

³ Kaerst, I, стр. 376, прим. 2.

⁴ Cp. Schwartz, ук. статья, ст. 1884.

армии, случается тем более резкий и драматический контраст¹. Но раз возникла легенда о трех посольствах, необходимо было соответствующим образом распределить между ними условия мира, предлагаемые Дарием, чтобы создать известную постепенность. Отсюда появляется сначала уступка территории до Галиса, а затем до Евфрата. Точно так же растет и сумма выкупа: 10 000, 20 000, 30 000 талантов². Ни Арриан, ни Плутарх не знают этой градации мирных условий; и у того и у другого конкретные условия мира предлагаются Дарием один только раз.

Таким образом, представленная второй группой источников традиция о третьем (месопотамском) посольстве и о растущей уступчивости персов должна быть признана неисторичной. Тем самым значительно понижается и ценность всей второй группы источников вообще.

Остается разсмотреть свидетельства о двух посольствах, чтобы определить, было ли их действительно два (или одно, как сообщает Плутарх), когда они имели место, и каковы были персидские предложения. Прежде всего необходимо отбросить показание о первом посольстве у Диодора. Здесь все внушает сильные подозрения: и неопределенная сумма выкупа (хотя впоследствии Диодор и уточняет ее), и уступаемая территория, и мстив скрывания подлинного письма Дария Александром³, и неточное определение места и времени посольства (Died. XVII, 40, 1). По всей вероятности, Диодор смещивает здесь два посольства Арриана, присоединяя, кроме этого, вымышленную уступку территории до Галиса⁴. Не представляют ценности, вследствие своей краткости и неопределенности, и сообщения Юстина о первых двух посольствах. Отбрасывая затем все свидетельства о месопотамском посольстве, мы получаем, таким образом, как более достоверные, два показания Арриана, свидетельство Плутарха и два первых рассказа Курция. Если же мы оставим в стороне подозрительные указания Курция на размер территориальной уступки и неопределенную формулировку денежного выкупа, мы получим сходные условия мира, предложенные персами: возвращение членов царской семьи, выкуп в 10 000 тал., рука дочери Дария, уступка территории к западу от Евфрата и союз обоих государств.

Теперь нужно определить, сколько было посольств, а также когда и в каком пункте Финикии велись переговоры между Александром и посланцами Дария. Вопрос, следовательно, сводится к тому, какая из двух традиций достовернее: та, которая представлена Аррианом (и Курцием), или та, которая описана у Плутарха. В другом месте⁵ нам уже приходилось касаться вопроса об аутентичности переписки Дария с Александром, приводимой Аррианом (с некоторыми изменениями также и Курцием). Несомненная подлинность этих документов заставляет с доверием относиться и ко всему эпизоду в целом. Сосражения Белоха⁶, который старается установить внутренние противоречия в гл. 14 кн. II Арриана, отнюдь не являются убедительными⁷. Белох аргументирует тем, что Александр послал Терсиппа с письменным ультиматумом, запретив ему вступать с Дарием в устные переговоры.

«Только тогда посылают посла, — говорит Белох, — если желают вести переговоры». Но ведь мы не должны забывать, что ответ Александра пред-

¹ A. R ü e g g, Beiträge zur Erforschung der Quellenverhältnisse in der Alexander-geschichte des Curtius, Dissert., 1906, стр. 66.

² Ср. Hackmann, op. cit., стр. 107.

³ Radet, op. cit., стр. 40.

⁴ Ср. Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1; R ü e g g, op. cit., стр. 53, прим. 1.

⁵ С. Ковалев, ук. соч., стр. 177.

⁶ Beloch, III, 1, стр. 637, прим. 1.

⁷ Kaerst, I, стр. 374, прим. 1.

ставлял принципиальную декларацию чрезвычайной важности, предназначенную не только для внутреннего, так сказать, употребления, но имевшую международное значение. Это была программа всей дальнейшей деятельности Александра, и вполне естественно, что он не пожелал вручить ее в руки персидского посольства, но решил передать через специального уполномоченного. Рассказ Арриана о первом посольстве как раз весьма правдоподобен и вполне соответствует реальной обстановке, сложившейся после Исса. Дарий подавлен неудачей и чрезвычайно расстроен пленом своей семьи. Он начинает ясно понимать всю опасность македонского нашествия. Отсюда его стремление к почетному миру. Но он еще далеко не обескуражен. Завоевания Александра только начинаются, в распоряжении Дария еще находится огромная территория и колоссальные средства. Отсюда сдержанный тон персидского царя, сознающего свою силу и свое достоинство. В письме он не предлагает Александру никаких конкретных условий мира, но лишь просит назначить доверенных людей для ведения дальнейших переговоров. Один чрезвычайно характерный момент переписки между Дарием и Александром служит лишним доказательством ее аутентичности: это—вопрос о виновниках войны.

Признание подлинности арриановской традиции в рассказе о первом посольстве влечет за собой признание и второго посольства, так как оба события внешне и внутренне тесно связаны друг с другом. Неопределенная форма первых предложений персидского правительства предшествовала дальнейшим конкретным условиям мира. То обстоятельство, что Александр сразу же категорически отверг право персов разговаривать с македонянами, как с равной стороной, и потребовал безусловного подчинения, конечно, не могло удержать Дария от второй попытки вступить в переговоры. Осада Тира, исход которой с каждым месяцем становился все менее сомнительным, и предстоящее, таким образом, занятие всего восточного побережья Средиземного моря резко меняли к лучшему положение македонян. Если Дарий и теперь хотел кончить дело миром, он должен был сделать Александру вполне конкретные и очень серьезные предложения, причем это должно было произойти именно во время осады Тира, ближе к ее окончанию.

Традиция Плутарха в вопросе о посольствах Дария не может быть признана достоверной. Во-первых, его свидетельство об единственном посольстве Дария в Финикии, на обратном пути Александра из Египта, стоит совершенно особняком; во-вторых, обстановка, в какой, по Плутарху, происходит свидание Александра с персидским уполномоченным, лишена всякой конкретности (в противоположность Арриану и другим источникам, точно локализирующим переговоры). И, наконец, в-третьих, внутренняя достоверность допущения, будто бы вторая попытка переговоров имела место после покорения Египта, весьма невелика. К этому моменту общая мобилизация персидских сил была почти закончена, и это обстоятельство, конечно, должно было значительно ослабить готовность Дария идти на уступки. Таким образом, мы должны признать наиболее историчной ту традицию, которая представлена Аррианом: посольств было два, причем первое явилось к Александру в Марафе, второе—во время осады Тира¹.

Мнение Пармениона—принять персидские предложения—и ответ Александра повторяются, как мы видели, во всех источниках (кроме Юстина). Одно это обстоятельство, принимая во внимание характер наших источников, само по себе еще недостаточно для того, чтобы признать историчность всего инцидента, а не считать его только популярным анекдотом. У Арриана рассказ предваряется словом λέγεται, что скорее говорит

¹ Pridik, стр. 56—57; Hackmann, стр. 105; Kaerst, I, стр. 374.

о его неофициальном происхождении¹. Поэтому здесь необходимо привести некоторые дополнительные соображения.

Прежде всего, вне сомнения стоит факт обсуждения предложений Дария в совете этеров. Последний играл довольно крупную роль в правительственной системе Македонии², и Александр во всех серьезных случаях прибегал к его помощи. Тем больше оснований было создать его теперь, когда обсуждался вопрос огромной принципиальной важности — вопрос о будущем всей греко-македонской державы. Но имело ли место в действительности выступление Пармениона? Наиболее сомнительна, конечно, та остро-лаконическая форма диалога между царем и его полководцем, которую мы находим у Арриана и Плутарха. Она слишком остроумна для подлинноисторической и скорее походит на плод устных рассказов и поздней переработки. Правдоподобнее в этом смысле показания Диодора и Курция. В рассказе этих авторов мы находим ряд конкретных деталей, придающих всему эпизоду более жизненный характер. Особенно интересна передача Курция³. У него мы встречаем такое однообразное расширение трафаретного мотива, которое вряд ли могло быть выдуманно (по крайней мере, в основных моментах). Парменион выдвигает у Курция целую программу, резко и принципиально отличную от программы Александра и формулированную в выражениях, необычайно ярких и четких. Вообще Курций, несмотря на свою риторичность и тенденциозность, несмотря на массу встречающихся у него противоречий, в конкретных деталях часто заслуживает доверия. Весьма возможно, что и в эпизоде с Парменионом он пользовался каким-то хорошим источником.

Но предположим, что и та форма выступления Пармениона, которую мы находим у Курция, выдумана. Можно ли считать голым измышлением самый факт выступления в пользу принятия мирных предложений? Нам кажется, нет. Чтобы при данном состоянии наших источников доказать, что такого выступления не было, нужно было бы установить, что либо оно само по себе невероятно, либо противоречит хотя бы одному смежному историческому факту. Но ни того, ни другого нет. Наоборот, все, что мы знаем или что предполагаем относительно Пармениона, не противоречит его выступлению на совете и именно с той самой программой, которая развита им у Курция. С другой стороны, если мы предположим худшее (и весьма мало вероятное), т. е. что 1) все наши источники зависят в этом пункте от одного основного источника, например, от Каллисфена⁴, и 2) этот основной источник в данном вопросе опирался только на слухи и сплетни, циркулировавшие в главной квартире Александра, то и в этом случае мы должны как-то объяснить факт появления именно таких слухов и сплетен. Все эти соображения заставляют нас признать, что, по меньшей мере, содержание разговора между Парменионом и Александром весьма вероятно⁵.

А если так, то в Финикии мы имеем первый факт проявления оппозиции Пармениона не по какому-нибудь чисто военному случаю или по пово-

¹ Возможно, что здесь, как думает W e n g e r (loc. cit), использован Аристокл. Schwartz (Arr., RE, II, ст. 1241) показал, что так наз. *Λυόβρυς* Арриана не всегда исключают взаимодействия у Птолемея и Аристокла.

² Ковалев, ук. соч., стр. 169 и 182.

³ Заслуга выдвижения здесь на первое место Курция принадлежит Radet (стр. 42—43), хотя он переоценивает его значение для суждения о переговорах в целом (стр. 27—30).

⁴ Kaerst, I, стр. 378, прим. 1.

⁵ Большинство историков (в том числе и наиболее осторожные из них) в той или другой степени признают подлинность знаменитого диалога. См. Droysen, I, 1, стр. 286—287; Cauer, стр. 32; Wilcke n, Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft, «Schmollers Jahrbuch», XLV, 2, 1921, стр. 48, прим. 3; Kaerst, I, стр. 378; Radet, стр. 42—43; Niese, I, стр. 81—82; Jouguet, стр. 32; Birt, стр. 136. Особняком стоят Белох (IV, 2, стр. 297), который со свойственным ему гиперкритицизмом находит,

ду текущей политики, но по кардинальнейшему вопросу, самому серьезному из всех, какие когда-нибудь приходилось решать македонскому правительству. «Для истории эллинизма,—пишет Э. Мейер,¹—решение зимы 333/332 гг. было роковым. Он сбескровился на том, что не остался ограниченным замкнутой территорией, которая могла бы (растись и политически, но ринулся в безграничное: в страны с иным характером и с иными центрами тяжести, удержать которое было (сверх его сил)². Если в этих словах и есть преувеличение, поскольку они целый исторический период ставят в зависимость от решения придворного совета Александра, однако они верны постольку, поскольку правильно подчеркивают колоссальную важность проблемы и раскрывают ее основное содержание. Действительно, вопрос сводился к тому, быть ли рождающейся монархии греко-македонской или восточной, узко «национальной» или «универсальной». Александр, отказавшись от персидских предложений и выступив, как это совершенно ясно (следует из его переписки с Дарием, с притязаниями на азиатское (а, быть может, и на «мировое») господство, решил проблему в духе «универсализма»³.

Но почему же Парменион оказался в оппозиции? Очевидно, потому, что он не разделял универсалистических стремлений Александра. Вряд ли стратегические соображения об опасности перенесения войны в глубь Передней Азии могли здесь играть решающую роль. Вопрос о принятии или отклонении персидских предложений был прежде всего вопросом политическим. Парменион решал его так, как диктовала ему его принадлежность к македонской знати, ограниченной в своем кругозоре, связанной всеми корнями с Балканским полуостровом или, еще уже, с Македонией, воспитанной в традициях Филиппа, планы которого едва ли шли дальше создания Балканской «империи» со включением в нее западной части Малой Азии⁴. По крайней мере, наши источники не дают никаких оснований предполагать, что его намерения простирались дальше.

Однако и оппозицию Пармениона мы не можем рассматривать как только его личную оппозицию. Правда, из источников мы не знаем, поддержал ли кто-нибудь из элеров его предложение. Известия о знаменитом совете, как мы видели, настолько скудны и отрывочны, что сделать какой-нибудь вывод в этом направлении совершенно невозможно. Но если даже допустить, что Парменион со своим мнением остался одиноким, это, конечно, еще не доказывает, что за его спиной не стояла группа единомышленников из македонской знати. В этот момент оппозиция еще не успела консолидироваться настолько, чтобы выступить открыто. Двумя годами позднее обстановка значительно изменилась.

что история мирных переговоров сильно искажена, и W. Tarn (САН, VI, стр. 376), считающий рассказ о выступлении Пармениона недостоверным.

¹ Ed. Meyer, *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*, 1925, стр. 14.

² Ср. Jouguet, стр. 132—133, 86. Огромное историческое значение переговоров признает и Wilcke n, *Alexander der Grosse*, Lpz. 1931, стр. 102.

³ Считать, как это делает Белох (III, 1, стр. 637), причиной отклонения мирных предложений мнение Александра, что «уменьшенная Персия постоянно стремилась бы к возврату прибрежных провинций», значит сужать вопрос.

⁴ Wilcke n, *Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft*, стр. 48; он же, *Alexander der Grosse*, стр. 102; Kaerst, I, стр. 379; Radet, стр. 43; G. Mathieu, *Les idées politiques d'Isocrates*, 1925, стр. 163; Ed. Meyer, *Blüte und Niedergang...*, стр. 9; он же, *Alexander der Grosse und die absolute Monarchie*, стр. 274—295; Jouguet, op. cit., стр. 32.

